

вать скорее не в «чрезвычайно развитой» системе льгот и «изъятий», а в общем устаревании в XIX в. рекрутчины как государственного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): М-лы междунар. науч. конф. СПб., декабрь 2007 г. СПб., ИД С.-Петербур. гос. ун-та, 2008. С. 204-211.
2. Генеральное учреждение «О зборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет». [Конфирмовано 29 сентября 1766 года]. СПб.: [Тип. Морск. кад. корпуса, 1776]. 38 с.
3. Рекрутский устав 1831 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. VI. СПб., 1831. № 4677.
4. Общий устав рекрутский // Свод законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1857.
5. Общий устав рекрутский // Свод уставов рекрутских. СПб., 1862.
6. Иванов Ф.Н. Эволюция государственной политики в сфере рекрутской повинности в XVIII-XIX вв. // Российская полития: прошлое, настоящее, будущее: Сб. тр. / Под ред. Г.Ф. Доброноженко, И.А. Гончарова. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2006. Вып. 2. С. 164-176.
7. Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1: Комплектование армии. СПб., 1913.
8. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Коми». Ф. 275. Оп. 1. Д. 86. Л. 35, 37.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3354. Л. 88-88 об.
10. Сидоренко Г. Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Киев, 1869.

Михаил Анатольевич БАРАШЕВ —

декан исторического факультета

Владимирского государственного университета,

кандидат искусствоведения, доцент

mb@mlb.elcom.ru

УДК 929.7.031

«ДОБРЫЙ И ВЕРНЫЙ» СЛУГА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА второй половины XVIII – начала XIX вв.

IDEAS OF RUSSIAN NOBILITY OF THE SECOND HALF OF THE XVIII TO THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES ABOUT «GOOD AND LOYAL» SERVANT

АННОТАЦИЯ. Эта статья посвящена представлениям русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв. о «добром и верном» слуге. Автор описывает основные качества «доброго и верного слуги» и роль дворянства в его воспитании.

SUMMARY. This article is devoted to ideas of Russian nobility of the second half of the 18 to the beginning of the 19 centuries about «good and loyal» servant. The author describes basis qualities of «good and loyal» servants and nobility's role in their education.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русский дворянин, домашний слуга, добродетель, порок.
KEY WORDS. Russian nobility, domestic servant, virtue, vice.

Манифест 18 февраля 1762 г. закрепил за русским дворянством право выбора между службой и отставкой, предоставил возможность постоянно проживать в своих сельских усадьбах, где вся его повседневная жизнь протекала в окружении разнообразных и нередко многочисленных слуг. Количество, профессиональный статус, образованность и даже нравственные качества слуг являлись предметом гордости их господина перед соседями, друзьями или родственниками. Наряду с вольнонаемными гувернерами и гувернантками, педагогами, лекарями, секретарями, живописцами, садовниками, архитекторами и строительными мастерами в число слуг входили и дворовые люди. Среди них выделялись домашние служители — камердинеры, горничные, лакеи, ключники, истопники, а также работники, занятые в усадебном хозяйстве, т. е. конюхи, скотники, каретники, столяры, плотники, бочары, кузнецы, портные, сапожники и т. п. В данной статье рассматриваются представления русского дворянства второй половины XVIII — начала XIX вв. о «добром и верном» слуге.

В елизаветинскую эпоху небогатому дворянству рекомендовалось содержать в домашнем обиходе 12 служителей, из них 9 мужского пола и 3 женского, т. е. камердинера, повара с учеником, кучера, форейтора, двух лакеев, истопника, женщину «вверху», белую прачку, работника и работницу [1; 414]. Их должностные обязанности были строго разграничены. Например, лакеям предписывалось иметь между собой «очередь дневальным быть по суткам, которой должен все покои вымести, сор и путины на печах и панелях обнести щеткою, пыль, окончаны протереть, и без того другой не должен его сменить, пока он все то исправит; и как сменятца, должны сказать камердинеру, нет ли чего поврежденного или разбитого», а женщине «вверху» — содержать спальню во всякой чистоте, постелю и комоды; понеже в спальне никто, кроме ее, ходить не должен; она с постели и женские рубахи отдает для мытья прачке и принимает обратно сщотом; она должна уметь шить белье, варить конфекты, убирать женские волосы» [1; 415]. Первым по должности домашним служителем считался камердинер, на которого возлагалось ведение приходных и расходных книг, а также наблюдение за домашним хозяйством и работой «ближних» слуг. Он был обязан «безотлучно» находится в господском доме, где ему отводилась для жилья «особая комора» [1; 414-415]. Пристальное внимание господину следовало обращать на профессиональные и нравственные достоинства своих слуг. Так, камердинером должен был быть человек «трезвой и доброй, благоумной и вежливой, опрятной, на все домовыя должности знающий, дабы каждого в неисправности мог поправить» [1; 414], а поваром — «искусной и чистоплотной, дабы из его рук без размышления всякую пищу употреблять можно» [1; 415]. Кроме того, при господском доме в деревне признавалось необходимым иметь столяра, портного, сапожника и т. п., причем рачительные помещики стремились «дворовых людей во дворе кроме положенного числа отнюдь не держать для того, что их месечиною и в прокормлении скота немалыя в хлебе и корму расходы и то, что на них в год изоидет, можно в продажу употребить, и пропаж в доме и тунеяцов меньше будет» [2; 34]. Они считали полезными детей дворовых людей «к домашним делам и по склонности их ко всяким мастерствам (кроме мотовства, пьянства, воровства и забиячества), також из них выбирая, читать и писать отдавать обучать, чтоб всегда грамотных человека по три было» [2; 67]. Среди наиболее распространенных «подлых поступков» дворовых людей в это время отмечались пьянство, воровство, обман и ленность [1; 414-415], [2; 35, 38, 42, 57, 67]. В связи с чем, камердинеру или

иному должностному лицу предписывалось за всеми дворовыми людьми смотреть, учить, поправлять и воздерживать от всякого «подлого поступка», но при этом указывалось, что «никакой пьяница и вор во дворе терпим не может, и как можно стараться его исчисля дворовых людей исключить, хотя б как он надобен ни был, ибо от того великое поношение и разорение господин терпеть его должен» [1; 415]. Запрещалось принимать на службу беглых или «безпаспортных» солдат, дворовых людей, крепостных крестьян и других «пришлых» работников [2; 58], [3; 23-24, 26].

Во второй половине XVIII столетия повседневная жизнь русского дворянства, в том числе провинциального, существенно изменилась. В это время характерными чертами помещичьего быта становится увлечение архитектурно-строительным делом, ландшафтным проектированием, садоводством и сельским хозяйством, живописью, литературой, музыкой. Таким образом, в результате усложнения форм хозяйствования и роста культурных запросов дворянства в деревне остро ощущается недостаток не только в новых вотчинных специалистах, но и просто грамотных слугах. Например, поселившийся в 1760-х годах у себя в Дворянинове А.Т. Болотов отмечал, что не найдя там «никакого садовника и ни единого из всех людей моих такого, который хотя бы сколько-нибудь знал сию важную часть сельского домоводства, долго не знал я и не мог сам с собою согласиться в том, кого бы мне приставить к садам моим и сделать садовником» [4; 240]. Выбор пал на прежнего служителя его покойного отца Сергея Косова, который полюбился владельцу усадьбы своей «заботливостью, замысловатостью и трудолюбием». Это «рачительный и добрый старичок» под руководством господина довольно скоро стал опытным садовником и, по словам А.Т. Болотова, «не только охотно исполнял все мною затеваемое и ему повелеваемое, но по замысловатости своей старался еще предузнавать мои мысли и предупреждать самые хотения мои, чем наиболее он мне и сделался приятным» [4; 240].

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. профессиональные знания и умения в сочетании с добросовестностью в исполнении своих обязанностей становятся для русского дворянства главнейшим критерием «добротного и верного» слуги. Найти подобных слуг было делом весьма не простым, поскольку в деревне «штат» служителей при господском доме в это время количественно возрос. Так, в 1786 г. у Шереметевых в Кускове [5; 4] значилось в «штате» 157 человек и «сверх штатного числа» — 14. Среди них упоминаются архитектор А.Ф. Миронов и 2 его ученика, «садовник иноземец П. Ракк с 13 учениками и 4 садовыми мастерами, «лекарский ученик», 3 скотника, птичник, сторож при лебедях, 2 человека «для кормления живности к столу», 2 зверинника, 63 «мастеровых» с их учениками, 16 человек обслуги флотилии на прудах и т. п. У других крупнопоместных усадебовладельцев их было меньше, но тоже доходило до нескольких десятков человек, например у Воронцовых в Андреевском Владимирской губернии [6]. За крупнопоместным тянулось среднепоместное дворянство. В начале XIX в. считалось целесообразным иметь при состоятельном господском доме следующий «штат» служителей мужского пола, т. е. дворецкого, «офисиянтов», в том числе камердинера, кофишенка и конторщика, ключника, «погребщика», повара, лакеев, истопника, дворника, конюхов, садовника и «мастеровых дворовых людей», а также, по возможности, архитектора и домашнего врача. В числе служанок упоминаются: кастелянша, горничная девушка «при госпоже», девушки «верховья», прачка, «девки рабочия», а по, необходимости, еще кормилица и няня. Однако, если достаток в господском доме был

невелик, то рекомендовалось уменьшать количество слуг, возлагая на одного слугу несколько должностей, например, камердинер мог исполнять еще и обязанности, кофишенка и конторщика, а иногда и дворецкого [7; 135-136, 212]. Обзаводясь нужным в домашнем обиходе и усадебном хозяйстве слугами, помещик мог обучать своих дворовых людей и крестьян, покупать крепостных работников, заключать договора с вольнонаемными служителями. Однако в двух последних случаях он не был гарантирован от того, что приобретает действительно усердного и знающего слугу или нанимает человека, который «добрый и не за свое не возьмется».

Для обучения детей дворовых людей и крестьян ремеслам и другим необходимым хозяйственным занятиям помещики устраивали в своих имениях крепостные школы или отправляли их на сторону для получения практических навыков и умений. Например, отец знаменитого полководца В.И. Суворов приказывал своему доверенному человеку А.И. Жмакину выбрать из деревень ветлужской вотчины «хороших молодых ребят лет от 20 или 25 проворных и видных человек 10 и приучать их в лакеи, конюхи и для того попросить графа Ивана Ларионовича [Воронцова], чтоб приказал у себя на конюшне их держать и обучать <...> А в лакеи также раздать куда-нибудь, чтобы приобыкли, хотя к немцам купцам. А что надо будет на их содержание, то из доходов моих брать и о том докладывать <...> Еще отдай одного малого способного учить поваренному графу Ивану Ларионовичу на кухню и о том его доложи и повару поговори, скажи ему что заплачено будет <...>» [8; 13-14]. Немалые выгоды рачительным помещикам, как утверждали опытные «экономы», сулило и устройство в деревнях крепостных школ для обучения детей дворовых людей и крестьян различным ремеслам и художествам, «чем служители себе вечный хлеб, а господам всегдашнюю прибыль приносить будут» [9; 17]. Рекомендовалось «крестьянских ребят от семи до десяти лет учить грамоте и писать, как мужеска и женска пол, чрез что оные придут в познание Закона; а от десяти до двадцати — учить разным художествам, как-то, кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коновальному, <...> шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит <...> и в том от них не принимать никакова оправления, и всевозможными силами к тому их принуждать и обучать надлежит помещикам <...>» [10; 16]. В сельских усадьбах состоятельных владельцев для размещения крепостных школ нередко возводились особые здания, причем «весьма изрядной архитектуры», например Андреевском Воронцовых в 1774 г. [11]. Андреевская школа располагалась рядом с господским домом и представляла собой одноэтажную прямоугольную в плане постройку со скромным декором в стиле раннего классицизма. Ее внутренняя планировка точно отражала функциональное назначение, т. е. вдоль заднего фасада проходил длинный коридор, по одну сторону которого размещались три классных комнаты с отдельными входами. В 1820-х гг. здесь обучалось 44 ученика, из них крестьян — 25, дворовых — 17, священнослужителей — 2. Из предметов классного оборудования в школе имелось: таблиц по письму — 42, для чтения и арифметики — 160, таблиц слогов — 46, досок для письма — 64, книг всего — 81, в том числе басен Эзопа — 6, священных книг — 60, о должностях человека — 12, арифметик — 1, грамматик — 1, методик взаимного обучения — 1 [12; 65]. Во второй половине XVIII — начале XIX вв. крепостные школы существовали в вотчинах Шереметевых, Куракиных, Орловых, Голицыных и т. д. У Куракиных обслуживающий персонал школ включал в себя помимо учителей женщину-стряпуху, как правило, из вдов или

солдаток, а также нередко еще сторожа «для присмотру и протчего». Например, в «штате» школы Орловской вотчины в 1762 г. при 15 школьниках, двух сиротах, вдове с двумя дочерьми и стороже была установлена следующая годовая выдача продуктов на всех: «солоду ржаного 3 ч., ржи 24 ч., круп гречневых 2 ч. 4 чк., просовых 1 ч. 4 чк., гороху 1 ч. 4 чк., свиного мяса 10 пуд., баранов 10» [13; 279]. В наиболее богатых усадьбах в дополнение к ремесленному обучению помещики устраивали музыкальные и театральные школы, выпускники которых пополняли труппы и оркестры крепостных театров. А.В. Суворов, считая что «театральное нужно для упражнения и невинного веселья» завел у себя в Ундоле Владимирской губернии «певческие и музыкальные здания», т. е. школу для музыкально одаренных детей. Крепостная школа второй половины XVIII — начала XIX вв. должна была не только прививать своим питомцам знания чтения, письма, счета и обучать их ремеслам и художествам, но еще и постоянно внушать будущим слугам мысль, что «ежели господа подчиненных своих к наукам, добрым делам и всяким ремеслам принуждать будут, то должны они во всем воле господ своих повиноваться, и все сие с ревностною охотою исполнять, что им повелено и приказано будет» [9; 19].

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. основную часть домашних слуг и работников усадебного хозяйства составляли дворовые люди, причем, опытные «экономы» советовали доверенных слуг «избирать из своих крепостных людей, нежели наемных, потому что собственные люди всегда более имеют любви и усердия к своему господину, нежели посторонние» [7; 9]. Вместе с тем, повседневный быт русского дворянства этого времени не мог уже обходиться и без вольнонаемных служителей и мастеровых, в том числе иностранцев. Их наем требовал большой осторожности, чтобы не принять к себе на службу «плутов, пьяниц, беглых и сему подобных бездельников» и «от того самому беды и разорения не понести, понеже такие плуты нарочно нанимаются, чтоб у хозяина в доме все высмотреть, а потом подведши воров, его окрасть; а буде когда хозяин за ленность его побьет и найму не заплатит, то он с злобы многократно деревню зажигает, господина убивает, и прочие беды делает» [9; 15]. Например, при найме мастеров для усадебного строительства, среди которых, по словам [14; 67-68] А.Т. Болотова, встречалось много таких, кто «ко всякому роду мошенничеству и плутней склонны и с которыми иногда и самые знающие архитекторы как «с собаками бьются», требовалось со всем вниманием «приискивать добрых и знающих, а того лучше таких, которые иметь будут от архитекторов аттестаты в том, что они были у них под смотрением и работу производили порядочно» [15; 369]. Особое место среди вольнонаемных слуг занимали иностранные гувернеры и педагоги дворянских детей. Своих питомцев они обязаны были не только обучать светским манерам, наукам и художествам, но и развивать в них «благородные, справедливые чувства». Чаще всего это были французы и швейцарцы, реже — немцы и англичане. Нередко в доме богатого помещика служило сразу несколько гувернеров и педагогов, причем разных национальностей. По отзывам современников, большинство иностранцев «с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством» [16; 147]. К подобному отношению их побуждали не только высокая культура и чувство достоинства, но и собственная выгода. Оплачивался труд иностранцев дорого, например, при известном недостатке средств и своей скупости С.Л. Пушкин платил гувернеру 150 руб. в год с прибавлением по пуду сахара и пуду кофе, десяти фунтов чая, а кроме того, еще предоставлял ему стол, квартиру, слугу и карету. За 10-12 лет службы у со-

стоятельного помещика они становились вполне обеспеченными людьми. Многие из них, уезжая, получали пожизненную пенсию, или оставшись в России, должности и чины. Среди иностранцев были замечательные педагоги, бывшие настоящими друзьями и подлинными наставниками своих питомцев. С чувством глубокого уважения вспоминали своих гувернеров мемуаристы Ф.Ф. Вигель, М.А. Дмитриев, С.В. Скалон и др. Однако, встречались среди них и люди недостойные этого звания, чья грубость, безнравственность и невежество бросали тень на всех иностранцев и делали учителей всеобщим посмешищем. А.Т. Болотов с отвращением вспоминал о своем учителе «немецкой сделался тогда сущим извергом: он не только меня иссек немилосерднейшим образом хворостинами по всему телу, без всякого разбора, но грыз почти меня зубами и терзал, как лютый зверь, без всякого человечества и милосердия <...> ни слезы, ни умаливания, ни целования рук и ног его, ни повторяемые клятвы не могли смягчить сего чудовища <...> Вот какого имел я учителя» [17; 54].

Среди нравственных проступков как вольнонаемных служителей, так и собственных дворовых людей русское дворянство во второй половине XVIII — начале XIX вв. по-прежнему отмечало пьянство, «блядство», азартные игры, ленность, «плутни с господами», ссоры между собой, иногда доходящие до драки. Главную причину этих зол помещики видели в «худом» воспитании и невежестве своих слуг, а поэтому для борьбы с их пороками вынуждены были «иметь прилежное и неусыпное старание о воспитании дворовых и крестьянских детей обоюбого пола; запрещать в рабочие дни всякую праздность и гуляние; для чего от начальников получать о них по четвертям года сведения; прилежных награждать, а нерадивых наказывать» [18; 1]; причем в это время утверждалось, что наказание должно соответствовать тяжести проступка слуг. Господину рекомендовалось: «не должен человек подручных себе служителей без причины бить, всегда на них гневаться и как с пленниками поступать <...>, но с ними милостливо и ласково обходиться <...> Ежели же весьма непокорливых и ленивых рабов имеет, то сперва увещеванием, потом страхом, а в последнем умеренным наказанием от того отвращать» [9; 5]. Рачительный хозяин должен был лично, а не через доверенных лиц «надзирать со строгостию» за соблюдением предписанного порядка в господском доме и «исправностью своих домовых чиновников»; причем, управление служителями мужского пола могло находиться в руках господина, а женского — госпожи [7; 2-3; 227]. Не только жестким контролем и страхом наказания стремился русский помещик воспитывать «добрых и верных» слуг. Он должен был «о содержании подчиненных своих попечение иметь, дабы они пищею, одеждою, покоем и всяким содержанием довольны были <...> Ежели надлежит случится из служителей кому занемочь, то не надлежит его в том бедном состоянии из дому выбросить, или в конюшню на село запереть, но всячески о нем как о немощном человеке милосердовать, о болезни его спросить, и от оные как можно лечить, теплую избу и покойное к тому место определить <...> Ежели кто из рабов стар или немощен будет, то не надобно его с двора збивать и пищи лишать <...> Надобно по смерти ему довольную пищу и содержание давать» [9; 17]. Однако, проявляя заботу о своих слугах помещику следовало «храниться от своей челяди и служителей, с ними не браться, и низости не иметь; никакой тайности пред ними не говорить; ведая что первые человеку врагу домашние его; а и тот, которой перед ним унижается и манит, может его же за какую малую причину, не токмо в беду, но и в крайнюю погибель привести» [9; 5]. В целом же правила поведения го-

сподина и его слуг по отношению друг к другу в представлениях русского дворянства того времени сводились к нескольким основным заповедям. «Добрый и верный» слуга обязан был: во-первых, чтить власть Божию в особе своих господ и служить им «больше из любви нежели ради корысти»; во-вторых, защищать всеми силами особу и честь своих господ, а также, никогда не терпеть, чтоб им делали какой-либо вред; в-третьих, хранить их имение, ничего не давать, не ссужать из него без господского дозволения; и наконец, повиноваться господам «во всем, что не есть противно справедливости и благоразумию». В свою очередь, господин должен был повелевать своими служителями с «отеческой кроткостью», не поступать с ними «дурно» и не обременять их чрезмерно работой, платить исправно жалование и наказывать, если они порочны [19; 7-8].

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. утвердилось представление русского дворянства о «добром и верном» слуге, где были строго разграничены добродетели и пороки дворовых людей, а также подчеркивалась первостепенная роль господина в его воспитании. В этих представлениях нашли свое отражение повседневные реалии помещичьего быта того времени и дворянские идеалы эпохи Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Избранные произведения. Л., 1979.
2. Текутьев Т.П. Инструкция о домашних порядках // Смилянская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века. Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М., 1998.
3. Инструкция сотскому // Труды ВУАК. Владимир, 1909. Кн. XI.
4. Болотов А.Т. Жизнь и приключение Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т. 2.
5. Сивков К.В. «Штат» села Кускова (1786 г.). Очерк. М., 1927.
6. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 170. Л. 10 об., 15, 79 об., 82-82 об., 106 об., 117; Д. 851. Л. 59, 62-62 об., 76.
7. Левшин В.А. Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутренняго домоводства как городских, так и деревенских жителей, хозяев и хозяек. М., 1813. Т. 1. Ч. 1.
8. Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. // Труды ВУАК. Владимир, 1904. Кн. VI.
9. Флоринова экономия в девяти книгах состоящая. СПб., 1794. Кн. I.
10. Друковцов С.В. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. СПб., 1772.
11. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 162. Л. 1.
12. Поле Т.А. Крепостная школа первой половины XIX в. (по материалам личных фондов ЦГАДА) // Советские архивы. 1989. № 6.
13. Сивков К.В. Из истории крепостной школы второй половины XVIII в. // Исторические записки. М., 1939. Вып. 3.
14. Болотов А.Т. О строении деревенском // Экономический магазин. М., 1781. Ч. V.
15. Болотов А.Т. О строении деревенском // Экономический магазин. М., 1782. Ч. IX.
16. Масон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.
17. Болотов А.Т. Жизнь и приключение Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т. I.
18. Осипов Н.П. Карманная книга сельского и домашнего хозяйства. СПб., 1791.
19. Вицман А. Сокращение главнейших должностей, кои каждый христианин обязан исполнять в тонности по своему званию и состоянию. СПб., 1799.